

**«Я СТРАСТНО ХОЧУ ВСТРЕТИТЬСЯ СО ВСЕМИ ВАМИ...»
ПИСЬМО САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН-ШЕФТЕЛЬ МАКСУ ЭЙТИНГОНУ,
24 АВГУСТА 1927¹**

Перевод с английского **Филатова Ф.Р.** © 2016

Аннотация. Сабина Шпильрейн (1885 – 1942), русско-еврейская женщина-пионер психоанализа, была высоко оценена Зигмундом Фрейдом, а позже молодыми аналитиками левого толка, такими, как Отто Фенихель, за ее творческий подход и талант формулирования новых вопросов и оригинальных исследовательских концепций (в частности, в области эго-психологии, детского анализа, лингвистики и нейропсихологии). В 1923 г. она возвратилась на родину, и с этого момента ее биография прослеживается с трудом. По этой причине тринадцать страниц рукописного письма, написанного Шпильрейн Макс Эйтингону 24 августа 1927 г. в преддверии десятого Международного психоаналитического конгресса, являются особенно радостным открытием. Сабина пишет о профессиональных и частных вопросах, и, прежде всего, мы впервые получаем сведения о позиции Шпильрейн в дискуссии по поводу взаимоотношений психоанализа и марксизма в Советском Союзе. Энергичное участие Шпильрейн во все более ожесточенных дебатах по проблемам «фрейдизма» и марксистски ориентированной науки о поведении представлено в контексте развития российского психоанализа от краткого расцвета под покровительством Троцкого до уничтожения при Сталине.

Ключевые слова: Сабина Шпильрейн, психоанализ, фрейдизм, марксизм, Макс Эйтингон.

Abstract. Sabina Spielrein (1885–1942), Russian-Jewish pioneer of psychoanalysis, was highly esteemed by Sigmund Freud, and later by young left-wing analysts like Otto Fenichel, for being a creative thinker with a talent for stimulating new questions and original research (notably in ego psychology, child analysis, linguistics and neuropsychology). When she returned to her home country in 1923, however, her traces largely disappear. For this reason, the thirteen-page handwritten letter, which Spielrein wrote to Max Eitingon on 24 August 1927, in the run up to the tenth International Psychoanalytic Congress, is a particularly

¹ Ранее неизвестное письмо С.Н. Шпильрейн, опубликованное в конце этого вводного текста, было обнаружено Майклом Шрётером среди бумаг Макса Эйтингона (File No. 2972/9) в Государственном Архиве Израиля (Иерусалим) и предложено автору, Сабине Рихебехер для публикации. Впервые опубликовано: *Luzifer-Amor. Zeitschrift zur Geschichte der Psychoanalyse*, 21 (42), 2008: 65-74. Английский перевод Майкла Молнара: *Psychoanalysis and History* 18(1), 2016: 119–133. DOI: 10.3366/pah.2016.0180

welcome discovery. She reports on professional and private matters, and above all we learn for the first time something about Spielrein's position in the disputes over the relation between psychoanalysis and Marxism in the Soviet Union. Spielrein's spirited engagement in the increasingly acrimonious debate over 'Freudism' and Marx-influenced behavioural science is sketched in the context of the development of Russian psychoanalysis, from its brief flowering under Trotsky's protection to its crushing under Stalin.

Key words: Sabina Spielrein, psychoanalysis, Freudism, Marxism, Max Eitingon

Жизнь российской еврейской женщины-психоаналитика, доктора Сабины Шпильрейн (1885 – 1942) к настоящему времени в большей своей части основательно изучена. Помимо официальных документов из государственных ведомств, социальных служб, университетов и т.д., сохранились многочисленные дневники, которые Сабина начала писать, ещё будучи школьницей, осенью 1896 года в родном городе Ростове-на-Дону. Частично эти дневники (1909 – 1912) вместе с перепиской Сабины Шпильрейн с Зигмундом Фрейдом (1909 – 1923) и К.Г. Юнгом (1908 – 1919) в 1986 году опубликовал Альдо Каротенуто в своей «Тайной симметрии» (Шпильрейн, 1986, 2003). Его книга внесла существенный вклад в дело спасения биографии Сабины Шпильрейн и, в особенности, ее работы от забвения (Шпильрейн, 1987; Овчаренко, 1999, 2004; Ljunggren, 2001; Эткинд, 1996; Richebacher, 2000, 2005, 2008, 2009a, 2009b). Последующая корреспонденция Шпильрейн с ведущими психоаналитиками её времени, такими как Отто Ранк, Эмиль Оберхольцер и Вильгельм Штекель хранится в Женеве в частном владении, наряду с сотнями страниц обширной переписки с родителями, Евой и Николаем Шпильрейнами, и братьями Сабины, Яном, Исааком и Эмилем, всё трое из которых стали успешными учеными, строившими карьеру в ещё молодом советском государстве.

Эта обширная первичная документация резко обрывается ранним летом 1923 года. Шпильрейн вернулась в Россию, а с сентября 1923 г. работала в Государственном психоаналитическом институте в Москве и в Русском Психоаналитическом Обществе (РПСАО, ныне РПО).

Кое-что, касающееся ее разнообразной профессиональной деятельности в Москве в психоаналитическом институте, можно извлечь из штатных архивов структуры, ответственной за это, Наркомпроса (Народного Комиссариата по вопросам образования), а также из отчетов РПО, что регулярно появлялись в *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* (IZ, Международном журнале Психоанализа). Она состояла во всех важных комитетах, а также участвовала в чтении лекций и проведении учебных занятий. В начале апреля 1924 года она в последний раз приняла участие в заседании РПО – в качестве Председателя. Вскоре после этого она покинула Москву, чтобы вернуться домой – в Ростов-на-Дону. Все реже появляется она в отчетах РПО, в списках членов общества – вплоть до 1930-х годов с указанием адреса: «Ростов-на-Дону, Пушкинская, 97» (последнее упоминание – в *Internationale Zeitschrift* за 1937, стр. 593) – это отсылка к

старому адресу её родителей, семейному дому Шпильрейн, который давно уже был перестроен под коммунальные квартиры.

Но когда Шпильрейн написала письмо Максу Эйтингону в августе 1927 года, она указала другой адрес отправителя – «Дмитровская, 33». После стольких лет разлуки она снова живет вместе со своим мужем Павлом Шефтелем в его прежнем семейном доме. Следовательно, адреса российских членов в Международном журнале (IZ) больше не уточнялись, так как контакт психоаналитического руководства с Россией становился все более затрудненным. В выпуске за 1933 год лаконично значится: «В последние годы нет новостей, которые дошли бы до нас из России. Вероятно, психоанализ не фигурирует в пятилетнем плане, который всецело поглощает энергию этой своеобразной формы государственного управления» (IZ, 1933 стр. 260) Тем временем советская действительность уже превзошла подобные впечатления, ведь наступил год, когда психоанализ оказался под запретом в Советском Союзе (Miller, 1998; Klooke, 2002).

За весь заключительный период ее жизни в СССР, с лета 1923 года до самой смерти в августе 1942-го, никакие личные заметки Шпильрейн или любые другие письменные свидетельства обнаружены не были. По этой причине тринадцать страниц её письма Максу Эйтингону (24 августа 1927), написанного от руки во время подготовки к X Международному психоаналитическому конгрессу (1 – 3 сентября 1927, Инсбрук), стали особенно радостным открытием. Письмо написано в живой, экспрессивной манере, и сообщает профессиональные новости; прежде всего, в нем впервые в приватном контексте ясно выражено личное отношение Шпильрейн к публичным дискуссиям о связях психоанализа с марксизмом в Советском Союзе. С самого начала в России психоанализ оказался соотнесен с именем своего основателя – как «фрейдизм»; его сторонники были названы «фрейдистами». Троцкий вступил в контакт с психоаналитическими кругами еще во время своего дореволюционного пребывания в Вене, в изгнании, и, благодаря его протекции, фрейдизм пережил краткий, но захватывающий расцвет в начале 1920-х (Эткинд, 1996 [1993]).

В общем интернациональном контексте столь тесное взаимодействие с властью стало характерным именно для российского психоанализа. Поддержка официальной большевистской линии культурной политики была уникальным в своем роде явлением, что, в частности, послужило причиной неистовой критики со стороны апологетов психиатрии. Государственный Психоаналитический Институт и РПО с самого начала оказались в эпицентре напряженных политических и идеологических противоречий беззащитны и уязвимы перед меняющимся соотношением сил в пределах господствующей идеологии. Это заметно, например, в дискуссии вокруг основанного в 1921 г. психоаналитического детского дома-лаборатории в Москве, – дискуссии, которая длилась на протяжении всего срока его существования (Klooke, 2002; Эткинд, 1996).

Советская психология была чувствительным, идеологически заряженным полем, а ее сторонники – психологи и психиатры – ощущали

недостаток легитимности перед лицом правящей марксистской идеологии, когда дело дошло до конфликта между интересами открытого, плюралистического сообщества исследователей и идеологическими требованиями политической линии, которые были нацелены на решение теоретических проблем новой марксистской науки о поведении (см. Lobner & Levitin, 1978; Richebacher, 2005). Как и на Западе, в кругах таких левых психоаналитиков, как Отто Фенихель и Вильгельм Райх, в Советском Союзе самими психоаналитиками предпринимались аналогичные попытки прояснить соотношение фрейдизма и марксизма, сделав его продуктивным для обеих сторон. Александр Лурия, которого Шпильрейн упомянула в письме к Эйтингону, инициировал этот процесс в 1922 г. своими лекциями «Современное состояние психоанализа» (IZ, 1922, p. 523) и «О современных тенденциях в российской психологии» (IZ, 1923, p. 114f).

Когда молодой большевистский философ Бернارد Е. Быховский в конце 1923 г. опубликовал статью «О методологических основах фрейдистской теории психоанализа», в российском журнале «Под Знаменем Марксизма» пришла в движение оживлённая общественная дискуссия. Со смертью Ленина в январе 1924 г. и возрастанием личного доминирования Сталина и его лидерства в СССР, «иуда» Троцкий приобрел дурную славу, а психоанализ потерял своего покровителя (см. Nakhimovsky, 1992, p. 28). Полемика вокруг психоанализа и марксизма все больше накалялась. Ее последствия оказались более серьезными и затрагивали широкий круг вопросов. Весной 1925 г. психоанализ был подвергнут резкой критике в ходе дискуссии на тему «Психоанализ и марксизм», проходившей в Московском Доме печати. Вскоре после этого было объявлено о «ликвидации» Детского дома-лаборатории. В августе 1925 г. Государственный институт психоанализа также был закрыт постановлением Совета Народных Комиссаров Российской Федерации (РСФСР).

В самом первом выпуске немецкоязычного издания «Unter dem Banner des Marxismus» («Под знаменем марксизма», 1925), В. Юринетс повел яростную и тотальную полемическую атаку на фрейдистский психоанализ с его «буржуазной эстетикой», «вагнерианством по случаю» и «возрожденным идеализмом» (Jurinetz, 1970 [1925], pp. 66, 69). Помимо Зигмунда Фрейда был поименован и подвергся персональной атаке один член РПО – Сабина Шпильрейн (ibid., p. 97). Следовательно, она была знаменитой, кем-то, кого нельзя было списать со счетов.

Некоторые современные авторы, в том числе россиянин Александр Эткинд, интерпретируют переезд Шпильрейн из Москвы в Ростов как отступление, подразумевая, что у нее не было интереса к участию в дискуссии её московских коллег о «фрейдизме», «рефлексологии» и «научном марксизме» (Etkind, 1996, p. 213). Опубликованное ниже письмо содержит другое сообщение. Шпильрейн пишет: «В конце концов, я также посчитала необходимым выступить в здешнем Обществе неврологии и психиатрии с докладом на тему рефлексотерапии и психоанализа» (см. ниже). По мнению Шпильрейн, существовало множество доказательств

взаимосвязи психоанализа и марксизма, она вместе с Лурией, А.Р. Рейснером и Моисеем Вульфом была в числе ведущих советских психоаналитиков своего времени, которые считали объединение психоанализа и марксизма желательным или, по крайней мере, до некоторой степени полезным. В своем письме к Эйтингону Шпильрейн делает следующий вывод: «Учения Фрейда и Маркса вовсе не являются взаимоисключающими и могут мирно сосуществовать».

Также было бы неверно утверждать, что Шпильрейн начала самостоятельно обращаться к социалистической марксистской мысли и теории только по прибытии в Советский Союз. Она принадлежала к революционной молодежной организации, еще будучи ученицей Ростовской Екатерининской гимназии, и ее имя находится в списке девушек, владевших нелегальной революционной литературой (см. Мовшович, 2006). Более того, в ее теоретических работах также можно проследить направленное движение от ранней радикальной концепции переноса, используемой в статье «Деструкция как причина становления» (1912), к социально-психологическим и педагогическим формулировкам.

Ростов-на-Дону был более чем в тысяче километров от центра борьбы за власть в Москве. В то время деятельность Шпильрейн продолжала варьироваться. Она работала педологом в Ростовской профилактической амбулатории для школьников (педология, основанная на практике междисциплинарная наука о развитии ребенка, базировалась на педагогическом, психологическом, психогеническом и психоаналитическом подходах). В психиатрической поликлинике она наблюдала детей и взрослых. Ее энтузиазм в области исследований не утихал. В лекциях, курсах, публикациях и на конгрессах она утвердилась как преданный сторонник психоанализа во все более ожесточенной полемике о взаимоотношениях фрейдизма и марксизма. Нижеследующее письмо показывает, что, несмотря на все профессиональные и личные трудности, как ее вера в перспективы и ценности ее собственной работы, так и убежденность в жизнеспособности психоанализа, остались несломлены.

Письмо также затронуло личную тематику. До настоящего времени не было известно, что Шпильрейн болела малярией. В письме к Эйтингону она связывает это с реактивной депрессией, от которой страдала в течение всего предыдущего года, когда должна была, помимо прочего, заботиться о ребенке – 18 июня 1926 г. у Сабины Шпильрейн и Павла Шефтеля появилась вторая дочь, Ева. Сабина сообщает о внутреннем конфликте, при котором она не могла ни уехать сама, ни забрать с собой ребенка. Маленькая дочь стала главным препятствием, помешавшим ей принять участие в приближающемся конгрессе. Таким образом, ее «краткий отчет о положении психоанализа на Северном Кавказе» был нацелен на установление связей с коллегами на Западе и на получение автором письма поддержки в условиях болезненной изоляции: «Я страстно хочу встретиться со всеми вами...».

"Ouzime" 27. VIII. 27

Sehr, Herr Doktor,
wenn Sie wüssten wie Leid es mir
tut, dass ich nicht nie alle am 1-3
Sept. zum Congress gehen kann!
Das Haupthinderniss ist mein ^{zweites} ~~zweites~~
einjähriges Töchterchen, dass ich weder
hier lassen noch mitnehmen kann.
Doch bin ich unserer Vereinigung eini-
ge Rechenenschaft neben meiner Tätigkeit
hier, im Gebiete des Nordcaucanus schul-
dig - Das Interesse für die Psychoana-
lyse ist bei uns sehr verbreitet, aber ober-
flächlich. Man hat "keine Zeit" sich der
Sache zu widmen, weil mehr "vitale", "prak-
tische" Interessen im Vordergrund stehen.
Der offizielle Vertreter der psychiatrischen
Klinik zu Rostoff am Don will die Erneu-
gungsbewegungen der Psychoanalyse zu schätzen
- wartet aber vor "Hebeteisibungen" auf
dem Gebiete der Sexualität. Die Aminten-

Figure 1. First page of the original letter, beginning 'Sehr... Herr Doktor, wenn Sie wüssten, wie leid es mir tut'. See p. 123 of the translation.

Рисунок 1. Первая страница письма, начинающаяся «Sehr... Herr Doctor»

САБИНА ШПИЛЬРЕЙН-ШЕФТЕЛЬ – МАКСУ ЭЙТИНГОНУ, 24. VIII. 1927.

Перевод с английского Филатова Ф.Р. © 2016

С.Н. Шпильрейн

[Дорогой] господин доктор,²
если бы Вы только знали, как я сожалею, что не смогу увидеться со всеми Вами на конгрессе 1 – 3 сентября!³ Главным препятствием этому стала моя милая дочурка одного года от роду, которую я не могу ни оставить здесь, ни взять с собой. Однако я должна отчитаться перед нашим объединением о нашей деятельности здесь, в Северо-Кавказском регионе.

Интерес к психоанализу у нас очень распространён, однако поверхностен. Люди «не находят времени», чтобы посвятить себя данному предмету, ибо первоочередное значение имеют более жизненные, «практические» интересы. Официальный представитель психиатрической клиники Ростова-на-Дону⁴ высоко ценит достижения психоанализа, однако предупреждает о «преувеличениях» в сфере сексуальности. Ассистенты клиники применяют анализ в своей практике – и при этом все они, по существу, являются его противниками.

М.Е. Эйтингон

Ведь судьба анализа – что вполне понятно с точки зрения теории об инстинктах – такова, что мы встречаем сопротивление именно тогда, когда подходим к делу с наивысшей страстью. Так, в России мы столкнулись с совершенно неоправданным сопротивлением, неизвестным за рубежом; эта позиция обусловлена страхом перед тем, что психоанализ, «дитя капиталистического государственного строя», якобы попирает интересы рабочих классов. Психоанализ обвиняют в том, что он всё сводит к сексуальности и тем самым уничтожает достижения Маркса, который, как известно, объясняет все явления социально-экономическими отношениями. Здесь имеет место величайшая ошибка, которую невозможно объяснить в нескольких строках: учения Фрейда и Маркса вовсе не являются взаимоисключающими и могут мирно сосуществовать. Некоторые наши

² Примечание переводчика: дословно «Sehr Herr Doctor». Пропуск указывает на то, что «Gehrter» [«Дорогой» с усилением, «дрожащий»] подразумевается по умолчанию или имела место описка: «Sehr geehrter Herr Doctor».

³ X Международный психоаналитический конгресс состоялся в Инсбруке 1 – 3 сентября 1927 г.

⁴ Личность не установлена.

сотрудники, как, например, профессор Рейснер⁵, молодой профессор Лурия⁶, ныне покойная доктор Розенталь⁷ и другие уже говорили и писали об этом. Также психоанализ упрекают в значительной степени субъективизма и мистицизма; поэтому он якобы противоречит требованиям биологического течения в новой русской физиологии, известного под названием «рефлексология» (г. Ленинград), или «реактология» (г. Москва). Данной точки зрения придерживаются, в том числе, светила российской науки, поэтому нам приходилось бороться с такими оппонентами, как профессор Бехтерев⁸ из г. Ленинграда, профессор Hаскеbusch⁹ из г. Киева и другими. Профессор Вульф¹⁰ и профессор Лурия вступили в поистине горячую схватку. В конце концов, я также посчитала необходимым выступить в здешнем Обществе неврологии и психиатрии с докладом на тему рефлексотерапии и психоанализа. В данном докладе я обратила внимание на то, насколько мало субъективизма или мистицизма в учении Фрейда, а также на то, что значительная доля изложенного Фрейдом в его учении материала уже нашла своё подтверждение в биологической психологии или «рефлексологии».

Зимой этого года мне было поручено проведение двух курсов на тему «Значение психоанализа для исследования ребёнка». Эти курсы имели своей целью повышение квалификации школьных врачей и врачей в детских садах. Один курс был предназначен для врачей города Ростова, второй – для врачей

⁵ **Михаил Андреевич Рейснер** (1868 – 1928), как юрист и философ права, в первую очередь занимался вопросами социальной психологии и социологии религии. Он был членом Коммунистической партии. В 1927 году вступил в РПО.

⁶ **Александр Романович Лурия** (1902 – 1977), психолог из Казани, в 1923 г. переехал в Москву, где вступил в РПО. В течение нескольких лет он был приверженцем психоанализа, но позднее отказался от него. Лурия сделал блестящую научную карьеру в качестве международно признанного нейропсихолога.

⁷ **Татьяна Конрадовна Розенталь** (1885 – 1921, смерть в результате самоубийства) изучала медицину в Цюрихе. С 1911 по 1921 гг. была членом Венского психоаналитического общества. Вернувшись в родной город Санкт-Петербург, стала первым частнопрактикующим психоаналитиком. С 1919 г. работала [ассистентом](#) по [психотерапии](#) в Институте по изучению мозга и психической деятельности, основанном [В.М. Бехтеревым](#). Затем В.М. Бехтерев поставил ее во главе поликлиники по лечению психоневрозов.

⁸ **Владимир Михайлович Бехтерев** (1857 – 1927), психиатр и невролог, с 1918 по 1927 гг. директор созданного им Института по изучению мозга и психической деятельности в Ленинграде.

⁹ Профессор Hаскеbusch работал в университетской психиатрической клинике в Киеве. Какое-то время его отношение к психоанализу было доброжелательным (см. *ИЗ*, 1924, стр. 115; 1926, стр. 227 – 229). Однако вскоре он дистанцировался от психоаналитического движения и начал открыто критиковать его (Klocke, 2002, п. 83, п. 152).

¹⁰ **Моисей Владимирович Вульф** (1878 – 1971) изучал медицину в Берлине, где познакомился с психоаналитическим учением. С 1911 г. был членом Венского психоаналитического Общества. В 1914 г. вернулся в Россию, позднее оказался в числе основателей РПО, президентом которой был избран в 1924 г. В 1927 г. он отправился на упомянутый Конгресс IPA в Инсбрук и не вернулся в Советский Союз. Сначала обосновался в Берлине, а в 1933 г. эмигрировал в Палестину (Klocke, 2002).

Северного Кавказа в целом. Каждый курс состоял из 6-часовой теоретической и следовавшей за ней практической части. В практической части я демонстрировала психологические исследования детей, основанные на психоанализе, проведённые мной в школьной амбулатории, школе и в детском саду. Если позволяло время, я также проводила с врачами-слушателями курсов ассоциативный эксперимент Юнга. Лекции и демонстрации вызвали большой интерес. Несмотря на это, мне не удалось избежать обычных упрёков, с которыми приходится иметь дело каждому, кто при исследовании детской психики не желает слепо руководствоваться шкалой умственного развития Бине-Симона. Не стоит приводить здесь подробное описание использованного мной метода исследования, поскольку через несколько дней я представлю на рассмотрение посвящённую данному методу работу, которая выйдет в ближайшее время. Более года назад я получила от доктора Кронбаха¹¹ из Америки дружеское предложение о литературном сотрудничестве. Я до сих пор не ответила на его письмо, поскольку продолжительное время страдала малярией и не решалась ничего предпринимать. Однако я выразила молчаливое согласие с его предложением: я собрала необходимый материал, обработала его и представила в виде доклада в педагогическом обществе Северо-Кавказского университета в г. Ростове-на-Дону. Доклад называется «Результаты исследований анимистических представлений у детей в возрасте от 3 до 14 лет в гг. Москва и Ростов-на-Дону». Доклад я здесь не печатаю, поскольку намереваюсь обработать результаты исследования в тексте для доктора Кронбаха.¹²

Если Вы встретитесь с доктором Кронбахом на конгрессе, дорогой доктор, пожалуйста, будьте так любезны и сообщите ему об этом. Я напишу ему в скором времени. Я заранее приношу ему свои извинения и обещаю предоставить работу для публикации так скоро, как только это будет возможно (гонорар будет направлен Венскому журналу психоанализа. Если будет слишком поздно, можно будет напечатать этот текст в одном из наших журналов психоанализа.) К сожалению, у меня по-прежнему нет коллег в Ростове. Я всё ещё являюсь здесь только квалифицированным аналитиком, причиной чему – моё заболевание, которое расстроило все мои планы. У меня нет материальной возможности выписывать наши журналы и другую литературу, так что по этой части мы здесь оснащены крайне скудно. Мне

¹¹ *Авраам Кронбах* (1882–1965), сын эмигранта из Германии, был раввином в Огайо и Индиане и заработал репутацию наставника, пацифиста и автора многочисленных научных работ, в том числе психоаналитически ориентированного исследования иудаизма (Кронбах, 1931 – 1932). Он переписывался с такими аналитиками, как Эрнест Джонс, Вильгельм Штекель и Фриц Виттельс. Среди писем Авраама Кронбаха не сохранилось никакой корреспонденции Сабине Шпильрейн или ее брату Исааку, и таковая нигде не упомянута (согласно запросу от 7 февраля 2008 г. в Центр американских еврейских Архивов им. Маркуса, Цинциннати).

¹² Это предложение было вставлено в нижнюю часть страницы. Упомянутое исследование до сих пор не обнаружено.

почти удалось заказать литературу для Северо-Кавказской профилактической школьной амбулатории. Однако я снова была так безнадежно угнетена своей болезнью, что не решилась принять предложенное мне в данной амбулатории место. Поэтому место было отдано некоему ассистенту («младшему врачу») здешней психиатрической клиники. У последнего психоанализ не в почёте. В своём курсе лекций он, правда, рассказывал о психоанализе, однако лишь с целью уделить внимание современным тенденциям. С его точки зрения, обеспечение литературой не имеет абсолютно никакого значения. – Поскольку нам так не хватает литературы, я была бы благодарна каждому коллеге за отдельную копию его работы, высланную на мой адрес.

Теперь я выздоровела и, несмотря на все трудности, настроена не так пессимистично. Думаю, что, как и в Москве, в Ростове я смогу устроиться в университет. Полагаю также, что, если у меня будет такое желание, мне доверят вести курс лекций по психоанализу. Главным препятствием в этом деле является тот факт, что наш профессор психиатрии, который хорошо меня знает, послезавтра отбывает за границу и возвращается только в ноябре.¹³ Если в скором времени мне всё-таки не удастся устроиться в университет – я даже не знаю, стоит ли мне сожалеть об этом: я всегда могу читать лекции по психоанализу для нескольких способных учеников в частном порядке, а также передавать им практические знания по всем правилам науки. Если же мы обретём определённое число единомышленников, то мои рекомендации относительно литературы будут иметь большой успех.

Мой отчёт об уровне развития психоанализа в Ростове представляет состояние дел в нынешнем зимнем семестре. Составленный надлежащим образом отчёт о предыдущем этапе работы я отправила ранее доктору, в настоящее время профессору, Вульффу.

Поскольку Вы, господин доктор, владеете русским языком, рекомендую Вам прочитать книгу под названием «В.Н. Волошинов. Фрейдизм. Критический очерк. Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1927». Вы поймёте, как мало нас понимают и с какими глупыми возражениями нам ещё приходится бороться. Эту книгу мне вчера принёс мой муж.¹⁴ Настоящим я заканчиваю свой небольшой отчёт о психоанализе на Северном Кавказе. Могли бы Вы ознакомить с ним коллег в какой-нибудь

¹³ Профессор **А. Ющенко** (1869 – 1936) заведовал кафедрой нервных и психических болезней, а впоследствии кафедрой психоневрологии Северо-Кавказского университета. Кроме того, он возглавлял психоневрологическую клинику, а в 1927 – 1929 гг. был также председателем Северо-Кавказского Педагогического общества (см. Мовшович Е.В., 2006).

¹⁴ **Павел Наумович Шефтель** (1881–1937) был родом из Киева. Он работал врачом и педиатром в Ростове-на-Дону, где и познакомился с Сабиной Шпильрейн зимой 1911 – 1912 гг. во время одного из ее визитов домой. 1 июня 1912 г. они поженились по иудейскому обряду в Ростове. Их первенец, Рената, родилась 17 декабря 1913 г. С января 1915 г. супруги жили раздельно – она в Швейцарии, он в России. В 1923 г. Шпильрейн вернулась в Россию. В 1924 г. она перебралась в Ростов и возобновила брачный союз с Павлом Шефтелем (см. Richebächer S., 2005).

сообразной форме наряду с отчётами других региональных объединений?¹⁵ Кроме того, у меня есть следующая просьба к коллегам: я была бы рада получить от них описания простых снов, в которых представлены а) автомобиль б) аэроплан с) солнце или звёзды d) погода e) пауки f) обувь g) телефон, телеграф или радио h) шляпа i) нить или пряжа. Для меня важно собрать как можно больше описаний подобных снов; по возможности, они должны быть записаны самим сновидцем до сеанса анализа. Само собой, желательно, чтобы описание снов сопровождалось их кратким анализом. При передаче описаний прошу указывать возраст, пол, профессию сновидца, а также сообщать минимальные сведения о его личной жизни. В случае если последнее невозможно, будет достаточно указания возраста, пола и профессии. Также я хотела бы знать фамилию и адрес коллеги, отправляющего описание.

Зачем мне эта коллекция сновидений? – Трудно объяснить это в нескольких словах. Меня интересует, как разные сновидцы описывают одни и те же предметы. Заранее большое спасибо.

Теперь немного о личном.

Я страстно хочу встретиться со всеми вами – возможно, поэтому мне крайне тяжело писать. Как странно: как только я узнала, что профессор Фрейд тяжело заболел – я не смогла написать ему ни слова. Я чувствовала себя, словно в пустыне, и была будто бы скована цепями. Теперь я знаю, что профессор Фрейд поправился¹⁶, однако меня не покидает опасение, что он, вероятно, ослаб физически, а, возможно, и подавлен морально. И всё же – как дела у профессора Фрейда?

Также при известии о смерти доктора Абрахама¹⁷ я не смогла никак отозваться. Это просто ужасно. Что же я могла сказать, когда от всех меня отделяют тысячи миль, и всё же я так пламенно сопереживаю вам?

В завершение я передаю сердечный привет всем участникам конгресса, а также пожелания процветания нашему объединению. Пусть этот конгресс станет особенно успешным!

Доктор С. Шпильрейн-Шефтель.

В настоящее время: г. Ростов-на-Дону ул. Дмитровская, 33.¹⁸

¹⁵ По факту, Эйтингон включил в свой отчет председателя на конгрессе в Инсбруке краткое сообщение о положении дел в российском психоанализе, совершенно не упомянув в связи с этим о Северо-Кавказском регионе (см. IZ 1927, p. 486).

¹⁶ Т.е. после онкологической операции в октябре-ноябре 1923 г.

¹⁷ *Карл Абрахам* умер 25 декабря 1925 г. в возрасте сорока девяти лет.

¹⁸ Ныне улица Шаумяна. Это был адрес трехкомнатной квартиры П. Шефтеля, в которой ранее жила его мать.

Prof. Wulff und Prof. Luria hatten einen heißen Kampf zu kämpfen. Schliensack sah auch ich mich genötigt in der hierigen psychiatrischen Gesellschaft f. Neurologie und Psychotherapie einen Vortrag ^{Vortrag} neben Reflexologie ^{Therapie} und Psychoanalyse abzuhalten. Ich sagte Ihnen wie wenig subjektiv ^{oder} mythisch die Lehren Feuchts seien und wie bereits ein guter Teil der Lehren Feuchts in der biologischen Psychologie oder „Reflexologie“ seine Bestätigung fand. Diesen Worten wurde mir die Leistung zweier Course ^{über} betätigt, die Bedeutung der Psychoanalyse ^{für das} beim Studium des Kindes“ anerkannt. Diese Course ^(wissenschaftlichen) waren für die ^{weiter} vervollständigung der Schulärzte und der Kindergärtnerinnen bestimmt, die eine - für die Ärzte der Stadt Rostow, die andere - für die Ärzte des Nordcaucasusgebietes ^{überhaupt}.

Figure 2. Fourth page of the original letter, beginning 'Prof. Wulff und Prof. Luria hatten einen heißen Kampf zu kämpfen'. See p. 124 of the translation.

Рисунок 2. Четвертая страница письма, начинающаяся «Профессор Вульф и профессор Лурия вступили в поистине горячую схватку...»

Послесловие

В то время, когда Сабина Шпильрейн написала это письмо, контакт между российскими и западными психоаналитиками уже был ограничен. Российские психоаналитики могли выезжать на Запад только в исключительных случаях и при наличии специального разрешения со стороны властей. Председатель РПО Моисей Вульф и Вера Шмидт, ранее директор Московского детского дома-лаборатории, отправились на Инсбрукский Конгресс – Вульф остался на Западе.

Зимой 1928 г. Сабина Шпильрейн прочитала лекцию в Педологическом обществе Северо-Кавказского Университета г. Ростова-на-Дону. Эта захватывающая лекция с многочисленными иллюстрациями и примерами из клинических случаев была опубликована на немецком языке в 1931 г. под названием «Рисунки детей с открытыми и закрытыми глазами». Последней работой Шпильрейн, опубликованной на Западе, в «Имаго», было исследование подсознательных кинестетических идей (Spielrein, 2002 [1931]); в тот же период в *Zeitschrift für psychoanalytische Pädagogik* (с. 446 – 459) появилась краткая версия этой статьи. Помимо прочего, Шпильрейн представила разнообразные методики своей научной работы и сообщила о результатах экспериментального исследования влияния кинестетического опыта на структуру мышления детей и взрослых. Она также подробно описала различные психоаналитически ориентированные модели лечения, которые использовала в контексте жестко регулируемых условий труда в Советском Союзе. В самом начале своего доклада Шпильрейн объяснила, что будет придерживаться обычной (т.е. принятой на Западе) психологической терминологии, поскольку она, хотя и не является исчерпывающей, во всяком случае, подходит больше, чем рефлексологическая терминология созданной Иваном Павловым и Владимиром Бехтеревым школы.

По мере того, как в Советском Союзе психоанализ утрачивал легитимность, и возрастало политическое давление, даже психоаналитически ориентированные психиатры оказались склонны теоретически и технически адаптироваться к требованиям времени. В 1925 году Г.А. Скальковский и бывший член Венского психоаналитического общества Леонид Дроснес опубликовали книгу под названием «Основы детерминированных окружающей средой индивидуальных и коллективных процессов, сопровождающих развитие. Учение о гомофункции». В ней авторы предъявили себя как убежденные марксисты и попытались подкрепить свою «доктрину о гомофункции» выводами, полученными в рамках павловской рефлексологии. 13 мая 1929 г. на Первом совещании психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края Шпильрейн произвела критический

разбор «гомофункции» Скальковского и Дроснеса¹⁹, чтобы объяснить свою собственную концепцию этиологии неврозов и социальной дезадаптации (Spielrein, 2002, 335 – 344). «Учение Фрейда более перспективно, чем учения всех его противников и их последователей», – объявила она, (ibid., p. 337) – рискованное заявление!

Шпильрейн стремилась к актуализации тех аспектов учения Фрейда, которые связаны с критическим переосмыслением культуры. Несколько десятилетиями ранее Фрейд именовал неврозы «нецелесообразным поведением» (S.E. 16, p. 378), неудачной попыткой установления контакта со своим окружением. В ее воззрениях, насколько они были опубликованы, аспект переноса сместился на второй план. По мнению Фрейда, судьба (*природа*) влечений зависит не только от биогенных и психогенных факторов, но также существенно от социогенных обстоятельств, или, точнее, от влияния социокультурных потребностей семейного окружения ребенка. Теперь Шпильрейн описывала отклонения от нормального развития в терминологии, тяготеющей к работам Альфреда Адлера, при этом отвергая влияние русских теоретиков, таких как Г. В. Плеханов (1856 – 1918).

Следуя подобным социально-психологическим концепциям, Шпильрейн двигалась в том же направлении, что и молодые психоаналитики второго поколения на Западе, которые имели социалистическую или коммунистическую ориентацию и предпринимали попытки теоретического объединения идей Фрейда и Маркса – среди них стоит упомянуть Карен Хорни, Эриха Фромма, Отто Фенихеля и Вильгельма Райха. Когда появились «Рисунки детей с открытыми и закрытыми глазами» Шпильрейн (1931), Отто Фенихель привлек внимание левых фрейдистов к этой работе, в частности, в «Секретном бюллетене» (см. Fenichel, 1998: 319f, 795).

В 1930 г. в Советском Союзе началась дискуссия о внедрении марксизма-ленинизма в науку. Параллельно с этим поднялась волна репрессий против ученых, инженеров и работников культуры (художников). В январе 1930 г. на Первом Всесоюзном конгрессе по психологии в Ленинграде «фрейдизм» был официально осужден как реакционная теория. В июле Русское Психоаналитическое Общество было расформировано; в 1933 г. психоанализ был полностью запрещен.

В 1936 г. партия приняла постановление против «педологических извращений в системе Наркомпросов», что вынудило Шпильрейн оставить работу педолога. Она смогла устроиться на неполный рабочий день на ставку школьного врача, которой едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Ее братья Исаак, Ян и Эмиль Шпильрейны были арестованы во время сталинских чисток 1937 – 1938 гг., расстреляны и погребены в местах массовых захоронений.

¹⁹ В прениях при обсуждении доклада Г.А. Скальковского «Теория гомофункции и методики гомофункционального перевоспитания личности», состоявшихся в рамках этого совещания (*прим. переводчика*).

Во время Второй мировой войны Ростов-на-Дону приобрел стратегическое значение как «ворота на Кавказ». В ходе «Операции Барбаросса» он был дважды занят немецкими войсками. В разгар летнего наступления в июле 1942 г. немецкие войска вновь захватили город. В период с 11 по 14 августа Сабина Шпильрейн и две ее дочери Рената и Ева вместе с другими евреями Ростова-на-Дону были направлены зондеркомандой 10а СС оберштурмбанфюрера Хайнца Зетцена в Змиевскую Балку в пригороде, там убиты и захоронены в братских могилах.

Сабина Рихебехер

ЛИТЕРАТУРА

1. Byhovskij В.Е. *O metodologicheskikh osnovanijah psihoanaliticheskogo uchenija Frejda* // Pod znamenem marksizma, №11 – 12 (1923). s. 158 – 177.
2. Cronbach A. *The psychoanalytic Study of Judaism*. Hebrew Union College Annual, №8 – 9 (1931–32). pp. 605 – 733.
3. Etkind A. *Eros des Unmöglichen. Die Geschichte der Psychoanalyse in Rußland*. Leipzig: Kiepenheuer, 1996 [1993].
4. Jurinetz W. *Psychoanalyse und Marxismus*. In S. Bernfeld et al.: *Psychoanalyse und Marxismus. Dokumentation einer Kontroverse, Einleitung von H.J. Sandkühler*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1970 [1925]. pp. 66 – 136.
5. Kloocke R. *Mosche Wulff. Zur Geschichte der Psychoanalyse in Rußland und Israel*. Tübingen: ed. Discord, 2002.
6. Ljunggren M. Sabina and Isaak Spielrein. In F. Björling (ed.) *On the Verge. Russian Thought Between the Nineteenth and the Twentieth Centuries*. Lund: Lund University, 2001. pp. 79 – 95.
7. Lobner H., Levitin V. *A Short account of Freudism. Notes on the history of psychoanalysis in the UDSSR*. Sigmund Freud House Bulletin, vol. 2. №1, (1978). pp. 5 – 30.
8. Movshovich E.V. *Sud'ba Sabiny Shpil'rejn – pionera psioanaliza* // Ocherki istorii evreev na Donu. Rostov-na-Donu: Donskoj izdatel'skij dom, 2006. s. 256 – 281.
9. Nakhimovsky A. S. *Russian-Jewish Literature and Identity: Jabotinsky, Babel, Grossmann, Galich, Roziner, Markish*. Baltimore/London: The Johns Hopkins University Press, 1992.
10. Ovcharenko V. *Love, psychoanalysis and destruction*. Journal of Analytical Psychology, vol. 44. № 3, July 1999. Trans. C. J. Wharton, 1999. pp. 355 – 373.
11. Ovcharenko V.I. *Vehi zhizni Sabiny Shpil'rejn*, 2004. URL <http://spielrein.ru/site/node/19> [obrashhenie 14.05.2015].

12. Richebächer S. *“Bist mit dem Teufel Du und Du und willst Dich vor der Flamme scheuen?” Sabina Spielrein und C.G. Jung: ein verdrängtes Skandalon in der frühen Psychoanalyse.* In T. Sprecher (ed.), *Das Unbewusste in Zürich. Literatur und Tiefenpsychologie um 1900.* Zürich: NZZ Verlag, 2000. pp. 147 – 187.
13. Richebächer S. *Sabina Spielrein – eine Pionierin von Psychoanalyse und Kinderanalyse.* *Psyche. Zeitschrift für Psychoanalyse und ihre Anwendungen.* 63. Jg., Heft 6, June 2009 (Klett-Cotta), 2009a. pp. 589 – 610.
14. Richebächer S. *Sabina Spielrein. Un penseur moderne.* *Le Coq-Héron* 197 (Erés), 2009b. pp. 19 – 31.
15. Richebächer S. *Sabina Spielrein: “Eine fast grausame Liebe zur Wissenschaft”.* Biographie. Zürich: Dörlemann, 2005.
16. Spielrein S. *Die Destruktion als Ursache des Werdens.* In Spielrein, 2002 [1912]. pp. 98 – 143.
17. Spielrein S. *I. Tagebuch einer heimlichen Symmetrie – Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud.* ed. von A. Carotenuto. Freiburg i. Br.: Kore, 1986.
18. Spielrein S. *Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen. Untersuchungen über die unterschwellig kinästhetischen Vorstellungen.* In Spielrein, 2002 [1931] pp. 345 – 382.
19. Spielrein S. *Sämtliche Schriften.* Giessen: Psychosozial, 2002 [Reprint von Spielrein 1987].
20. Spielrein S. *Tagebuch und Briefe. Die Frau zwischen Jung und Freud,* ed. von T. Hensch. Gießen: Psychosozial, 2003.
21. Voloshinov V.N. *Frejdizm. Kriticheskij ocherk.* M.,L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927.